

Особенности русского национального характера в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского

Научный руководитель – Тальская Ольга Дмитриевна

Потапова Анастасия Сергеевна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет политологии, Кафедра истории социально-политических учений, Москва, Россия

E-mail: missnast2016@yandex.ru

Аннотация. Осмысление сущности русского национального характера Ф. М. Достоевским нашло отражение на страницах «Дневника писателя», где в кратких статьях и очерках демонстрируется проявление особого менталитета русского народа. При тщательном изучении и погружении в текст удается выявить определенные черты характера народа России. К положительным качествам характера русского человека Достоевский относил религиозность и набожность народа, стремление к лучшему и потребность в справедливости, силу духа, стойкость и многие другие добродетели, которые отражены в нашей работе. Однако нет белого без черного, а потому и русский национальный характер имеет и негативные черты, которые мешают развиваться прежде всего самим носителям этих черт. Какие негативные черты русского характера были подмечены «знатоком душ» Достоевским, станет известно из текста данной статьи. **Ключевые слова:** текстология, Ф.М. Достоевский, русский народ, национальный характер, Дневник писателя, почвенничество

Крайне часто в современном мире мы слышим понятие русского национального характера, совершенно уникального народного менталитета, на который многие ссылаются в дискуссиях. Однако более детально разобраться, что же такое русский дух и из каких частей складывает такая мощная структура, именуемая непоколебимой русской идентичностью чрезвычайно трудно. Мы постараемся рассмотреть черты, которыми издавна был наделен русский народ, на основе заметок великого русского творца Ф.М. Достоевского.

Первая глава, на которую будет обращено наше внимание, это глава под названием «Среда». Само название главы указывает на одну из очень популярных теорий того времени - теорию среды. Всю ее разрушительную силу Ф.М. Достоевский смог предвидеть и красочно представить на страницах «Дневника». Нас она интересует еще и потому, что во многом из таких теорий складывается характер целых социальных слоев. Повинуясь таким идеям, люди становятся даже не фаталистами, а простыми рабами, которые утрачивают стремления, и прогресс заменяется полнейшим регрессом не только всех сфер жизни общества, но и души:

«Делая человека ответственным, христианство тем самым признает и свободу его. Делая же человека зависящим от каждой ошибки в устройстве общественном, учение о среде доводит человека до совершенной безличности, до совершенного освобождения его от всякого нравственного личного долга, от всякой самостоятельности, доводит до мерзейшего рабства, какое только можно вообразить»[1]

Достоевский обращает наше внимание на важнейшую роль христианства, которое наделяет людей свободой, при этом предупреждая и о возможной ответственности своих поступков. Люди в таком обществе - думающие личности, которые стремятся вверх, к совершенству, а в случае ошибки готовы понести заслуженное наказание. Учение о среде, напротив, формирует послушную массу, ведомую куда нужно их «учителям». Размышления об ответственности и свободе сводятся к одной из древнейших философских максим, которая не может найти однозначного ответа и по сей день.

Параллельно с этим сразу вспоминается тесная связь, существующая между свободой и ответственностью. Свобода всегда должна быть ограничена ответственностью, а многие из тех, кто получает возможность поступать по собственной воле, полностью игнорируют большую ответственность, которую он обязан нести за свои поступки. Возможно прийти к следующему выводу: большинство людей не готовы принять свободу и даже боятся ее по причине того, что они испытывают страх перед наступающей вместе с этим ответственностью. А потому мы снова находимся в ситуации некоего кризиса. С одной стороны, подари людям свободу, и они сразу же ограничат свободу других или же совершают такие поступки, которые придется исправлять многим следующим поколениям. Не давая свободы, общество будет медленно разлагаться, безвольно повинуясь избранным единицам. Существуя в слепом повиновении, народу будет достаточно крошечного повода, чтобы людское недовольство вылилось в смену власти насильственным путем. А подобные потрясение редко когда приносят утешения и ведут к счастливому финалу, ведь кровь и смерть не могут быть спутниками счастья в общечеловеческом восприятии.

Наиболее ярко всю опасность учения о среде Достоевский видит в фигуре преступника (раскрывающейся на страницах «Дневника»), который отказывается признавать свою вину. И здесь же поднимается еще одна важная тема - жалость в сердцах народа по отношению к преступным действиям простого человека. Присяжные заседатели скорее вынесут оправдательный приговор, чем якобы помогут человеку и спасут его от жестокого произвола государства, когда на деле они лишь предоставляют ему возможность совершить еще одно злодеяние. Ведь как известно из правоведения, пугать должна именно неотвратимость наказания.

В качестве красочного примера в подтверждение своих слов Достоевский приводит судебное разбирательство: «жена от побоев мужа повесилась; мужа судили и нашли достойным снисхождения»[2]. Если погружаться во все обстоятельства дела, становится понятно, что здравомыслящий читатель без колебаний озвучил бы обвинительный приговор, однако многочисленные адвокаты, используя теорию среды как главный аргумент в опровержение вины, выигрывают слушание. Эта теория порождает в народе циничное, жесткое и безнравственное отношение ко всему, ведь правда, какой смысл в попытках изменить себя и стать лучше, если черная среда поглотит тебя и не позволит возвыситься. Самое знаменательное здесь то, что люди не только спасают убийцу, но и обрекают его дочь на такие же мучения и страдания. Адвокаты, в образе которых выступают многие представители человечества, подвергают опасности не только тех, кто совершает преступление (по причине того, что эти люди не осознают ответственность своего действия, а значит, они совершают подобный проступок еще раз), но и само общество, безрассудно следующее теории, морально разлагающей душу.

Следовательно, в русском национальном характере есть склонность к слепому следованию за ориентирами, отказ от самостоятельного анализа ситуации ведет к превращению человеческого общества в большую серую массу, которой легко управлять. Также чертой национального характера можно считать боязнь брать ответственность на себя, отказ от лидерских качеств. Во многом эта черта обусловлена объективными историческими причинами, однако во все времена были исключительные личности, которые несмотря на среду обитания и окружение, используя внутреннюю силу, смогли пробиться к власти. Именно про таких людей можно смело сказать, что они будут облегчать жизнь тех, кто когда-то мешал и уничтожал их, потому что идеи всепрощения также глубоко хранятся у русских в сердцах.

Затем нас будет интересовать глава «Влас», в которой содержатся важные мысли о русском национальном характере, стремящемся во всем «дойти до конца» (не терпящем полумер и полутонов), о потребности страдания, свойственной русскому народу, об идеале

Бога, который народ носит в сердце своем, и о том, что спасение России в народе. Сочетаясь вместе, эти положения представляют собой сгусток любимых идей Ф.М. Достоевского, которые реализовались во многих его художественных произведениях.

Отметим первую тему, над которой стоит поразмышлять вслед за Достоевским. Прежде всего, Федор Михайлович заставляет русских либералов (чья деятельность, по их собственным уверениям, всегда направлена на поддержку народа, несмотря на то, что они далеки от народа и не понимают его) почувствовать силу и величие русского национального характера, он использует сильные выразительные слова, описывает все очень возвыщенно и торжественно: «величавый образ народный», «ваше высоколиберальная душа». Здесь же писатель отмечает значительную черты русского характера - потребность самоспасения и страстная жажда страдания.

Если задуматься, это очень четко описывает некий русский темперамент, ведь многим из нас свойственно гиперболизировать свои проблемы. И чем сильнее мы будем загружены, чем больше обязанностей на нас возложить, тем счастливее будет наша жизнь. В рамках исследования русского национального характера невозможно не отметить «круговорот судорожного и моментального самоотрицания и саморазрушения»[3]. Здесь снова фигурирует потребность в страдании. Она возводится к глубинному смыслу о том, что страдание есть наслаждение для русского народа. Некоторые психологи находят подтверждение этому в своей повседневной практике, более того, они ввели даже некий термин - «достоевщина». Что же это такое? Под Достоевщиной понимается противоречивость чувств, душевная неуравновешенность, страдание и обречённость как совокупность черт героев Ф. М. Достоевского.[4] На сознательном уровне и с полным пониманием ситуации каждый из нас хочет достичь своего счастья, для каждого это понятие свое, однако остановимся на счастье в общечеловеческом смысле. Если человек упорно трудится и ему удается достичь своего желанного идеала, вместо радости и истинного наслаждения от осознания осуществленной цели и сбывающейся мечты приходит та самая меланхолия, в период которой мы начинаем заглядывать в светлые дали и искать там новый идеал, совсем не отдавая себе отчет в том, что мы достигли своего прежнего мечтания и стали счастливее. Можно сделать некий промежуточный вывод в рассуждениях: что бы хорошего ни происходило, радость от этого всегда омрачена каким-то страданием. Фокус внимания у людей, к которым относится понятие «достоевщина», постоянно направлен на поиск негативных моментов, которые вызывают душевые терзания. Они воспринимают реальность через призму собственных негативных установок. По большому счету это привычка, сформированная с детства. Это «ментальная тюрьма», которую многие даже не замечают, настолько привычной она стала.

Следующее замечание касается восприятия людей вокруг. По Достоевскому, русским людям свойственно «любить общечеловека, а значит презирать и ненавидеть стоящего подле себя настоящего человека»[5]. Люди создают идеальный образ и упорно стремятся к нему, не замечая, что рядом с ними полно людей, которые отвечают его строгим требованиям, которые полны нравственных добродетелей и прочих позитивных черт, однако они становятся ничем перед образом «общечеловека».

Центральным элементом этой статьи является рассказ про мужика, стрелявшего в распятие. Он наполнен знаковыми образами и символами, которые нельзя опустить в работе. У Достоевского Влас-жертва сливаются с Власом-искусителем, что рождает сложнейшую идеино-философскую почву для размышления. Путь Власа-жертвы, протекающий между двух крайностей — от отрицания к спасению — сам является крайностью: потребностью страдания, так характерной для русского народа. И все же именно стремление к искупительному страданию, согласно некой художественной логике рассказа, оказывается своеобразной границей, что отличает жертву от искусителя. Влас-жертва, избранный До-

стоевским как ярчайший пример «народного типа», изначально обнаруживает в себе крайность страдания: «... жаждой страдания он [народ], кажется, заражен искони веков». [6] А его отрешенность и категоричность во время преступления также быстро абсолютно необходимо превращается в поспешность и радикальность покаяния. Переход происходит в момент видения, наполненного мистицизмом и таинственности. Далее этого Влас-жертва уже не владеет собой полностью, не может контролировать свои поступки — он пал без чувств, самозабвенно отдаваясь видению Распятого.

Куда более неоднозначным предстает перед читателями фигура Власа-искусителя. Возможно, что в искусителе была только «высокомерная насмешка» и потребность «человеческого унижения». Такая мысль пугает Достоевского, а потому он всячески старается подчеркнуть ее невероятность. Этюд завершается почти надеждой, что именно Власу как типу предстоит взяться за дело Божье. Но тут же сразу Достоевский и оговаривается: «...мы давно уже вступили в полнейшую неизвестность» [7]. Финал остается открытым, судьба искусителя остается неразрешенным. Сам он стоит на краю бездны и никак не может выбрать направление — шагнуть в бездну и упасть в тьму, или благодаря вере воспарить вверх. Также он может пойти путем жертвы, то есть раскаиваться в содеянном и оставаясь на месте «пить и зубоскалить», при этом чувствуя полное удовлетворение от доказательства «человеческого унижения».

Вопрос религии и веры для русского человека также нельзя обойти вниманием. Достоевский отмечает, что несмотря на незнание Евангелия, русский народ носит в своем сердце Христа и пусть неумело и по-детски наивно, но тянется к нему.

Как пророк и мыслитель, Достоевский противостоял надвигающейся на человечество новой эпохе воинствующего атеизма и скрытого богооборчества. Он противопоставлял новым идеологиям либерализма и коммунизма русскую идею как «всесветное единение во имя Христово», которым была для него церковь. Для Достоевского быть русским означало быть православным, эти два понятия неразрывно связаны друг с другом. Решение многих вечных проблем видел Достоевский в вере, в обращении к православию, в следовании за идеалом Христа. Писатель сумел увидеть, что носителем духовной правды выступает народ — народ заброшенный, непонятый, используемый. Потому и звучат призывы Достоевского к единению с народом и критика революционного движения. В потере веры в бессмертие души оказывается «потерянность» подрастающего поколения России.

Таким образом, по мысли Достоевского, большинство нравственных и духовных проблем России может быть решено, если она не будет уклоняться от своего пути, следуя чужеродным течениям, если русский народ не потеряет веры и свойственного ему высокого нравственного чувства.

Источники и литература

- 1) Айрапетян, Р.Г. Христианские мотивы в «Дневниках писателя» и «Записных тетрадях» Ф.М. Достоевского / Р.Г. Айрапетян. Ереван: Издательство РАУ, 2005. 152 с.
- 2) Архипова А.В. Комментарий: Ф.М. Достоевский. Дневник писателя. 1873. IX. По поводу выставки // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 томах. СПб.: Наука, 1994. Т. 12. С. 335—345.
- 3) Волгин И.Л. Ничей современник. Четыре круга Достоевского. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. 24 С.
- 4) Волгин, И.Л. Достоевский-журналист («Дневник писателя» и русская общественность). Пособие к спец-курсу / И.Л. Волгин. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 75 с.

- 5) Гачев Г. О жанре «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского. Достоевский и мировая культура. № 1. Ч. 1. СПб: 1993. С. 7-13.
- 6) Гроссман, Л.П. Достоевский / Гроссман Л.П. - М.: Молодая гвардия, 1965. 605с
- 7) Достоевский Ф. М. Дневник писателя. / Сост., комментарии А. В. Белов / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 880 с.
- 8) 1.Достоевский Ф. М. Дневник писателя. / Сост., комментарии А. В. Белов / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 55 с.
- 9) 2.Достоевский Ф. М. Дневник писателя. / Сост., комментарии А. В. Белов / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 59 с.
- 10) 6.Достоевский Ф. М. Дневник писателя. / Сост., комментарии А. В. Белов / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 76 с.
- 11) 5. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. / Сост., комментарии А. В. Белов / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 77 с.
- 12) 3. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. / Сост., комментарии А. В. Белов / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 80 с.
- 13) 7. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. / Сост., комментарии А. В. Белов / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 88 с.
- 14) Достоевский в русской критике: сб. ст. / под ред. Т. Ганжулевича. М.: Гослитиздат, 1956. 471 с.
- 15) Кийко Е.И. Комментарии: Ф.М. Достоевский. Дневник писателя. 1873. I. Вступление // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 томах. СПб.: Наука, 1994. Т. 12. С. 284—288.
- 16) 4. Северская О.И. «Достоевщина - это. . . » (опыт ассоциативно-верbalного представления понятия) // Вопросы психолингвистики. 2015. №25.
- 17) Ю. Г. Кудрявцев, Бунт или религия (О мировоззрении Ф. М. Достоевского), Изд. МГУ, 1969, 171 с.